

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА 2

СЧАСТЬЕ БРАДЕНОЕ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева
Краденое счастье
2. Заключительная
Серия «Счастье взаимы», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53954531
SelfPub; 2020*

Аннотация

У меня отняли все. Лишили имени, средств к существованию и даже лица, но за все приходит расплата. Я собираюсь отомстить и вернуть самое дорогое, что у меня отобрали. Какой ценой? Это не имеет значения.

18+ за эротику. В книге нет сцен жестокости и насилия.

В обложке использовано лицензионное стоковое изображение автора VitalikRadko с сайта Депозитфото.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

– Сеньор Альварес, два проигранных по вашей вине матча

– это не пустяки.

– У меня была травма. И я хочу отсудить у этих ублюдков мои миллионы, а также право вернуться в сборную.

– Они вложили свои миллионы в вас и, если я стану защищать ваши права в суде, я должен знать то, чего вы не озвучивали журналистам. Каждый подводный камень, который может всплыть, как кусок дерьма в забитом унитазе. Вы не должны ничего от меня скрывать. Либо ищите себе другого адвоката.

Мануэль Васко самый крутой правозащитник в Мадриде, если не во всей Испании. Хитрый, пронырливый, циничный сукин сын, чьи услуги стоят, как один шикарный пентхауз или Ламборджини. Мрачный тип с очень странной внешностью. С маленькой головой, длинной тонкой шеей и отвисающим, как пустой мешок из кожи, вторым подбородком. Говорят, что Васко когда-то весил под двести кило, и поэтому теперь так выглядит. Проблемы с сердцем не позволяют ему делать много пластических операций. За глаза Васко называли Индюком. Из-за невероятного сходства с этой птицей. Сам Васко считал это сравнение оскорбительным.

Но он и только он мог вытащить Арманда из того болота, в

котором тот сейчас оказался, пока неизвестно по чьей вине.

– Что именно вы хотите знать?

– В вашей крови был обнаружен алкоголь. На момент получения травмы вы были в алкогольном опьянении. Понятное дело, что потом заключение экспертизы куда-то пропало, и вы, конечно же, не имеете к этому никакого отношения, но этот факт всплывет на суде. Я хочу знать правду – вы были пьяны, когда вышли на поле?

Альварес отвернулся от адвоката и потер подбородок, пятидневная щетина неприятно колола пальцы, а во рту остался привкус вчерашнего виски.

– Да. Я выпил. Но не так много, как эти убудки написали в заключении.

– Кто-то может подтвердить, что вы были пьяны? Какие-то конфликты, разговоры о запахе и так далее?

– Да, бл*дь, могут. Я повздорил с Хуаном, с этим сучьим потрохом, который возомнил себя звездой, а потом поставил мне подножку на поле!

– Вы подрались?

– Я подбил ему глаз.

– И вас разнимали другие члены команды. Они знали, что вы были пьяны?

– Я не был пьян! Я выпил один единственный бокал виски.

– В семь утра?

– Да хоть в пять утра!

– Вы помните условия вашего контракта?

– Нет. Их помнит тот, кто заключал его вместо меня. Поговорите с Рамиресом.

– Поговорю. Что еще может вас опорочить перед судом? Постыдные связи, увлечения, извращения.

– Нет.

Хмуρο ответил Арманд и посмотрел на адвоката, чье лицо напоминало ему акулю морду. А у самого перед глазами очередная девочка в костюме горничной покорно сосет его член, стоя на коленях и сжимая в руках его портмоне.

– Уверены?

Сука пронырливая, все ему надо знать. Вытаскивает, как клещами, и эти твари, которые забыли сколько денег он им принес, решили вдруг от него избавиться. Нашли ему замену. Хуана, Хуанито, мать их. Прикормыша хозяина сборной.

– Вы ходите к проституткам.

Не вопрос, а утверждение.

– Да. А это теперь считается извращением?

– Не считается, но вы женаты и у вас маленький сын. Минус одно очко перед судьей. Вы заведомо в проигрыше. Ваше дело – это утопия, это полнейшее, вонючее дерьмо.

– И?

Альварес посмотрел на адвоката исподлобья. Кажется, он набивает себе цену. Ужасно хотелось послать его на хер. Но сдерживало одно – если Васко откажется его защищать, никто другой не сможет этого сделать вообще.

Детский плач оторвал от мыслей. Арманд старался его иг-

норировать, но у него не получалось, и он начал нервничать, когда ребенок зашелся криком, Альварес вскочил с кресла и бросился из кабинета вверх по ступеням в игровую.

– Каролина! Ты где? Ты что его не слышишь? Я же предупреждал, что вечером буду занят!

Игровая оказалась закрытой снаружи, и в замочной скважине торчал ключ. Распахнул дверь и увидел малыша совсем одного в темной комнате, он сидел на ковре в окружении игрушек и кричал от страха. Наверное, его заперли, когда еще было светло.

– Твою ж... Каролина! – подхватил ребенка на руки. – Тшшш, тихо, папа пришел.

– Там...там, – малыш заходился от плача, – там...чу...до...ви...ви...ще.

– Где? Нееет, там никого нет. Давай включим свет и посмотрим.

Подошел с мальчиком к стене, щелкнул выключателем.

– Где?

– Там! – ребенок протянул ручку и показал на шкаф.

Альварес распахнул шкаф, подвигал коробки с игрушками.

– Вот, видишь? Никого нет. Где твоя мама?

Пожал плечами и отвел синие глаза в сторону.

– Ушла?

Малыш кивнул.

– Давно?

Он снова кивнул.

Сучка. Сколько раз предупреждал так не поступать, но она постоянно делала назло. Доставала его через сына, давила и манипулировала. Ни одна няня не могла с ней сработаться. Или не нравилась маленькому Матео. В свои три года мальчик практически не разговаривал, отставал в развитии и не шел на контакт ни с кем.

«Он весь в тебя, упрямый, хитрый, невыносимый. Я с ним не справляюсь. Он на все говорит мне «нет». Делает назло. Он меня ненавидит.

– Не истери! Это твой сын! Он маленький и еще не может делать все то, что ты говоришь сейчас.

– Может! Ты просто слишком его любишь! Души в нем не чаешь! Он вообще единственный, кого ты любишь! А он – настоящее исчадие ада. Ни одна няня его не выдерживает! Он орет, закатывает истерики, дерется, не сидит на руках! Он невыносимый!

– Ему нужна мать! Понимаешь? Мать! Не няня. Проводи с ним больше времени, и тогда ребенок станет вести себя намного лучше. Психолог говорила тебе об этом. Ему нужно внимание. Зачем ты его рожала?

– Чтобы... чтобы ты полюбил меня. Чтобы ты... Какая теперь разница зачем. Он есть. А у меня тоже есть своя жизнь, и я не буду сидеть с ним дома целыми днями. Ты не запрешь меня в четырех стенах. Особенно... с ним. Он сведет меня с ума.

– Найди еще одну няню.

– Сам ищи. Может, у тебя лучше получится. Я уже пять агентств сменила. Мне советуют не няню, а хорошего специалиста

– Моему сыну не нужны специалисты. Ему просто нужно твое внимание.

– А я хочу жить. Ищи няню, Арманд. У меня начались съемки».

Дрянь, закрыла ребенка и уехала на свои сраные съемки. Набрал номер жены, но та не отвечала. Набрал еще несколько раз.

– Что? Не справляешься со своим сыночком?

– Ты...ты реально это сделала? Реально заперла малыша одного в комнате и, не сказав ничего мне, уехала?

– А что? Он бы не смог оттуда выйти и что-то натворить. Розетки закрыты, окна тоже. Сидит себе тихонечко...

– Ты...ты отмороженная дура!

Отключил звонок и в ярости сунул сотовый в карман халата. Держа мальчика на руках, вернулся в кабинет.

– Простите. Семейные проблемы.

Сел в кресло, усадил мальчика на колени. Адвокат подмигнул малышу.

– Как тебя зовут?

Малыш смотрел на мужчину исподлобья, как маленький злобный зверек. Он не любит чужих. Относится к ним враждебно.

– Его зовут Матео. Он не разговаривает.

Ребенок тут же потянулся к подставке для ручек и ловко вывернул ее на пол. Альварес поставил подставку на место и усадил мальчика лицом от себя.

– У вас нет няни?

В эту же секунду ребенок столкнул чашку с кофе, и вся жидкость разбрызгалась на пол и заодно на светло-бежевые штаны Васко.

– Нет. Пока нет. Матео трудный ребенок, и найти ему няню не так просто.

Адвокат кивнул и начал собираться.

– Я свяжусь с вами в понедельник. Просмотрю все материалы дела и решу – возьмусь за него или нет.

– Ин-дюк. Ин-дюк. Ин-дюк.

– Что?

Адвокат повернулся к ребенку, и его белое лицо покрылось красными пятнами.

– Это он мне сказал?

– Он не разговаривает. Это просто звуки.

Когда за адвокатом закрылась дверь, Арманд развернул ребенка к себе.

– Ну и что ты наделал? М? Оставил меня без защиты? Ты почему назвал этого... этого индюка индюком?

Малыш улыбнулся и обхватил лицо отца ладошками, и Альварес невольно ему улыбнулся в ответ. Да, Каролина права, любовь к ребенку была абсолютной, невыносимо силь-

ной и неоспоримой. Пожалуй, это единственное, что держало его на плаву. Единственное, из-за чего нужно взять себя за шкуру и заставить подняться на ноги... Он помнил, почему выпил тогда... Очередной отрицательный результат по поиску. Тупик. Казалось, он так близко, казалось, нашел ЕЕ. И дикое разочарование. Как еще одна смерть.

– Пошли, я нагрее тебе кашу. Но завтра мы будем искать няню, и тебе придется с этим смириться.

Сын отрицательно покачал головой.

– Хочешь сидеть с мамой?

Тоже отрицательно качает головкой и обнимает отца за шею.

– Я не могу.

Обнял сильнее и прижался всем тельцем.

– Правда, не могу. Мне надо возвращаться в спорт... иначе ты не сможешь мною гордиться. Никогда.

– Сеньор Альварес, к вам пришли.

– Кто?

Арманд повернулся к дворецкому.

– Женщина, говорит, что она по объявлению... Но насколько мне известно, вы работаете с агентством.

– Пусть подождёт за дверью, я поговорю с ней.

Зазвонил его сотовый, и Арманд потянулся за телефоном. На дисплее российский номер, и он тут же ответил.

– Слушаю.

– Это Митрофанов.

Сердце гулко забилося.

– Новости есть?

Матео начал крутиться на руках, пытаться выхватить со-
товый, когда Альварес вырвал мобильный из рук ребенка и
отвернулся с телефоном, мальчик заплакал.

– Давайте я его подержу.

При звуке этого голоса, Арманду показалось, что его про-
шибло холодным потом, и задрожали колени. Он резко обер-
нулся.

Глава 2

Молодая, темноволосая женщина лет двадцати пяти протянула к ребенку руки. Альварес хотел возразить, но в трубке раздался голос частного детектива:

– Есть следы. Мы их нашли. Пока не уверен, что след правильный. Ее узнали многие люди.

Матео выкрутился так, что чуть не упал, и женщина тут же его подхватила. И Арманд передал ей ребенка, продолжая пристально на нее смотреть и ожидая, что вот-вот грянет привычная истерика. Матео не принимал новых людей. Он мог ударить или укусить вновь прибывшую няню или того, кто просто протягивал к нему руки. На этом знакомство обычно заканчивалось. Особо смелые пытались приспособиться, но их хватало не больше, чем на пару недель. Женщина поудобней устроила мальчика на руках, поправила ему кофту.

– Привет. Я Нина.

Как ни странно, она не получила кулаком по голове. Но это могло произойти в любой момент. И Арманд стоял настороже. Как она вообще вошла в здание, и как ей хватило наглости взять на руки чужого ребенка?

– Одну минуту обождите. – сказал в трубку и повернулся к незнакомке.

– Имейте в виду, он может вас покалечить... Нинааа, – ей подходит это имя. Нина по-испански значит – малышка. И эта маленькая, хрупкая. Сама похожа на ребенка.

Арманд отошел к окну, заговорил по-русски.

– Какие следы?

– Ее узнали в одной из деревень под городом. Говорят, она там жила какое-то время.

Обернулся на женщину и сына. Матео внимательно ее рассматривал, а когда замахнулся, она перехватила его ладонь... Арманд задержал дыхание и чуть не взвился от злости, но женщина прижала ладошку Мати к своей щеке. Погладила себя ручкой мальчика. Невысокая, черноволосая, очень скромно одета, во все серое, практически без косметики, волосы заплетены в толстую косу. Пол-лица скрывают очки. Кто их носит в наше время. Все ходят в линзах. Стекла слегка тонированы, но видно, что глаза у нее светлые. Что-то в ее движениях неуловимо завораживает.словно он ее уже где-то встречал, но в то же время совершенно уверен, что видит впервые. Это лицо ему совершенно незнакомо. Да и ничего интересного в ней на первый взгляд нет. Невзрачная, незаметная. На улице он бы ей вслед не посмотрел. И именно это выглядело странным. Арманд не мог понять почему.

– С кем жила?

– С каким-то дедом. Потом он умер, и все. След обрывается. Но я нашел человека, который видел, как ее затолкали в машину. В районном центре. Я показал фото, и ее узнали.

Вознаграждения за информацию творят чудеса.

Женщина что-то говорит Матео, а тот внимательно слушает, потом попытался забрать ее очки, и она не просто отдала, а надела ему на нос. Он засмеялся. Впервые с кем-то чужим.

– Ищите дальше. Пока что это лишь домыслы. Человек не может исчезнуть. Так не бывает.

Отключил сотовый и снова посмотрел на незнакомку и своего сына. Они стояли перед зеркалом, и Матео корчил рожицы все еще в ее очках.

– Каким образом вы узнали, что я ищу няню? Вы не из агентства, а объявлений на улице я не развешивал!

Обернулась и у него на мгновение дух захватило. Ее глаза. Пронзительно синие, глубокие, манящие, так похожие на... Он тряхнул головой, обводя чужое идеальное лицо критическим взглядом. Вблизи она невероятно красивая, как будто вылепленная талантливым скульптором. Ни одного изъяна. Ровный нос, маленький подбородок, четкие скулы, пухлые, нежные губы. У него возникло странное ощущение, что женщина хочет казаться некрасивой. Нарочно одевается незаметно, прячет волосы, не красит и сжимает губы, не носит бижутерию и не пользуется косметикой. И это настораживало. Замухрышек и лохушек видно за версту. Он их нюхом мог учуять.

– Верно. Я не из агентства. Простите, что ворвалась к вам в дом.

Голос. Ее голос звучал так, что ему хотелось заткнуть уши. То ли знакомый, то ли наоборот какой-то нервирующий. Она говорила по-испански с акцентом. И этот акцент придавал голосу глубины.

– У вас работала Агнес, уволилась на прошлой неделе. Она моя подруга. Мне просто очень нужна работа.

– Я не беру людей с улицы. Как и подруг подруг, сестер подруг, бабушек подруг и так далее. Тем более к своему ребенку.

Протянул руки, чтобы забрать Матео, но тот заерзал у незнакомки и уклонился. Это ввело Арманда в ступор. Чертовщина какая-то. Она что ведьма? За секунду зацепила мальчишку. Чем – одному дьяволу известно.

– Медвежонок, иди ко мне. Давай. Иди к папе.

– Нет! – любимое слово Матео. Он отстранился от отца, но тот насильно забрал его. В ответ мальчик начал выкручиваться, хныкать, отпираться, изо всех сил пытаюсь вырваться. Уже привычная истерика, которая перейдет в дикие вопли и закончится только через час в лучшем случае.

– У вас есть рекомендации? Опыт работы?

– Нет, нету. Я раньше на такой работе не работала, но я люблю детей и уверена, что справлюсь.

– Не справитесь! Матео – сложный ребенок, и ему требуется особый подход. Мне нужны люди с дипломом и педагогическим образованием, а не...

Осмотрел ее с ног до головы. Придаться особо не к чему.

Наверное, так и должны одеваться няни.

– Но вы ищите няню уже больше года, и никто у вас не задерживается. Дайте мне шанс. Я понравилась мальчику. Вы же видите!

Наглая, смотрит прямо в лицо, и ему хочется отвернуться, потому что цвет ее глаз озадачивает. Они слишком синие, слишком. И напоминают ему те, другие. О которых надо бы уже забыть.

– Вам пора. Рамирес проведет вас к двери.

Отвернулся от женщины и пошел в сторону игровой, удерживая сына на руках. Снова зазвонил сотовый. Арманд чертыхнулся и прижал телефон к уху, второй рукой пытаясь удержать извивающегося ребенка.

– Да! – рявкнул в сотовый.

– Это Васко. Я возьмусь за ваше дело. Через час жду вас в моем офисе. Обсудим все детали.

Черт. И где он найдет кого-то, кто побудет с Матео? В эту секунду мальчик таки вырвался и побежал следом за незнакомкой. Догнал ее и схватил за юбку. Женщина обернулась, и он ожидал увидеть привычное раздражение, с которым многие смотрели на тяжелохарактерного Мати, но не она. Эта улыбнулась, присела на корточки и позволила Матео снова снять с себя очки. Порылась в сумочке, достала еще одни и надела на себя. Потом помахала ему рукой и снова пошла к двери. Ребенок бросился за ней, снова хватая за длинную юбку. Твою ж мать! Ладно. Он возьмет ее на один

день. Хуже точно не будет, и Рамирес глаз с них не спустит.

– Эй! Вы!

Женщина обернулась, подождала, пока Альварес ее догонит, и подняла к нему лицо с огромными синими глазами. Сильными вспышками он вдруг увидел себя на дороге, льет дождь, и точно так же на него смотрит Таня. Вот так, задрал лицо, с таким же выражением глаз. Именно поэтому она должна уйти. Сейчас же.

– Меня зовут Нина. Если вы забыли.

Нина... Забавно. Уже во второй раз подумалось ему.

– Это не испанское имя?

– Испанское.

– Но ты не испанка.

– Нет, не испанка.

– Откуда ты?

Словно секунда колебаний. И он сам затаился.

– Из Югославии.

Легкое разочарование, он все же думал, что она из России.

– Останься сегодня с Матео. Я заплачу наличными вечером.

– Вы возьмете меня на работу?

– Нет. Только на сегодня. Я не беру людей с улицы, я уже сказал!

Ее глаза вспыхнули, и ему даже показалось, что в них сверкнула ненависть, но тут же погасла.

– Как угодно сеньору. Спасибо и на этом.

Глава 3

Ранее

У него были огромные синие глаза с длинными ресницами, и он тянул ко мне ручки-звездочки и кричал «мама». Я находила его в темной комнате без окон и без дверей в крошечной тьме, хватала на руки, выносила на свет и видела эти глаза. Точно такие же, как и мои. Моя единственная и самая настоящая любовь. Мой сын. Мой сладкий мальчик. Я не могла тебя нафантазировать. Не могла.

Меня убеждали, что малыш родился мертвым. А я сама чуть не умерла от заражения крови. Но это они сами чуть не убили меня, когда внесли инфекцию при родах, которые принимали в подвале, чтоб никто из персонала не знал о них. И когда я не смогла родить сама – усыпили. Чтобы потом, едва отошедшую от наркоза, вышвырнуть на стройке.

Когда я пришла в себя уже в другой больнице, то громко кричала. Просила вернуть мне ребенка. Меня скрутили, укололи успокоительное и привязали к кровати, затыкая рот кляпом. Потом так делали все время. Задурманенная лекарствами, слабая, раздавленная, как жалкое насекомое, я начинала верить, что, может быть, я все придумала, что, может быть, не было никакого ребенка, и на самом деле я лежу в

клинике, потому что сумасшедшая. Я смотрела в потолок и беззвучно плакала, кусала свой кляп и немела от боли и тоски. У меня было непроходящее чувство опустошения. Будто я чего-то лишилась, у меня отняли самое дорогое, и теперь я пустая, и мне так плохо от этого, что хочется умереть. Потом и это прошло. Я погрузилась в туман, он был теплым, мягким и укутывал меня словно пуховым платком, как у бабушки в детстве. Там хорошо. Нет боли, нет воспоминаний.

Я успокоилась, если этот коматоз можно назвать спокойствием. Меня начали отвязывать, выпускать погулять, водить в столовую. Социализировать. Собаку я увидела случайно. Подошла к окну и заметила, как она сидит под деревом и смотрит вверх. В голове что-то ярко вспыхнуло и погасло. Как отрывок из фильма. Потом я постоянно подходила к окну и смотрела на нее. На овчарку, сидящую под окнами. Она меня завораживала. Словно в ней было что-то скрыто. Очень важное.

Ее прогоняли, били палками, однажды даже полили ледяной водой и затолкали в машину. Какое-то время она не приходила, а я ждала и выглядывала в окно. И когда увидела, как она бежит по снегу обратно, как прыгает через сугробы, то в голове опять вспыхнула картинка, только теперь отчетливо и очень ясно.

«— Эй! А ну стой!

Я спряталась между стеллажей, отступая к черному

ходу. Выскочила на улицу, внимание привлекла машина с открытым багажником и старик, управляющий «Ниву». Я бросилась туда, запрыгнула в багажник и спряталась за ящиками с рассадой, выглядывая и ища глазами блондина. Он выбежал на улицу с телефоном. Оглядывается по сторонам. Обежал вокруг всю заправку. Потом пошел к машинам, я залегла на дно, и тут старик вернулся, захлопнул дверцу багажника.

Внезапно надо мной раздался странный звук, похожий на чавканье, и я приподняла голову. Глаза с ужасом широко распахнулись. Мое лицо сравнялось с огромной собачьей, овчарочьей мордой. Глаза в глаза. От страха показалось, что я снова хочу в туалет, потому что это чудовище в два счета могло сожрать мою голову, и судя по низкому рокоту, я ему явно не нравлюсь.

– Простите. Вы не видели здесь женщину? Невысокую, в зеленой робе уборщицы. Чаевые ей дать хотел, а она как сквозь землю провалилась.

Вздрыгнула от внезапно раздавшегося рядом голоса блондина, не отрывая взгляд от собаки. Сейчас она залает, и меня найдут.

– Нет, молодой человек. Не видел. Да и глаза у меня уже не те, чтоб кого-то рассматривать.

– Женщина, красивая, невысокая, худенькая.

– Я уже давно не смотрю на женщин.

– А в машине у вас что?

– Какая разница? Вы из полиции?

– Ты, дед, не умничай. Покажи, что в багажнике.

– Шел бы ты, сынок, подбру-поздорову.

– Багажник, сказал, покажи! Не то я тебе все твои дряхлые кости пересчитаю!

– Ну как хочешь.

Я, тяжело дыша, смотрела на собаку и тихо прошептала:

– Пожалуйста... хороший песик... молчи.

Прижалась животом к дну, глядя на массивные собачьи лапы.

Багажник едва открыли, и я услышала злобный рык, от которого кровь стынет в жилах. А затем грозный лай. Собака подалась вперед, она рычала и редела, как самое настоящее чудовище.

– Твою мать, бл*дь! Предупреждать надо!

– Ну... ты хотел посмотреть, вот и посмотрел.

– Убери свою бешеную псину, она сейчас в меня вцепится!

– Не вцепится. Тихо, Гроза, тихо. Он уже уходит. Яйца откусишь ему в другой раз.

– Старый козел.

– Иди-иди, куда шел. И чаевые свои засунь себе в зад. Тише, Грозушка, моя. Тише, девочка. Ну придурок. Сама знаешь, таких сейчас пруд пруди».

– Гроза! – я провела пальцами по стеклу и застыла, чув-

ствуя, как сводит болью голову и сильно ломит в висках. Потом я вспомнила и много других эпизодов из своей жизни... Но еще не знала – воспоминания ли это или мой собственный бред. Мне нужно было убедиться в этом лично. Я перестала принимать лекарства. Не сразу, а постепенно. Словно откуда-то знала, что такие препараты просто так не бросают. И еще мне нужно было прочесть свое дело, а для этого надо попасть в кабинет к главврачу. Есть два способа: один радикальный – это затеять истерику или срыв, и тогда он снова будет проводить свои тесты; и второй – это вести себя хорошо, и тогда в виде поощрения могут пустить убирать его кабинет. Первый – быстрый и неудачный, а второй – медленный и, возможно, несбыточный. Я решила, что торопиться мне некуда. Меня никто и нигде не ждет. Они называли меня Алиса. Никто не знал моего настоящего имени, как и я сама.

И мне предстоял поиск неизвестно чего... А потом мне приснился сон. Самый первый, не бредовый, настоящий сон. Я видела в нем маму, и она называла меня «Таточка моя», гладила по скулам и говорила, что все будет хорошо. Что я сильная и я справлюсь. Она точно знает.

Значит, меня зовут Таня. Или и это тоже бред?

Я нашла документы в кабинете главврача. Не сразу и не в первый день, а через год аккуратных поисков. Через год, в который я притворялась кем-то другим, изображала больную, отзывалась на имя «Алиса» и заставляла всех верить, что я тихо помешанная и совершенно неопасная для обще-

ства. А потом читала о себе. Читала жадно, по кусочку, маленькими отрывками, потому что у меня было всего пятнадцать минут на поливку цветов и вытирание пыли.

В документах было написано, что меня нашли на стройке, я страдаю амнезией, маниакальным психозом, галлюцинациями и шизофренией. Недавно перенесла кесарево, у меня анемия. На лице глубокие шрамы от порезов. Потом я их рассматривала, эти шрамы. Мой мозг отказывался вспоминать, как они там появились. Он блокировал эти моменты, и я корчилась от боли, когда пыталась вспомнить. Тогда я была еще не готова.

Единственное, что я помню отчетливо – это роды. Помню этот ужас, эту боль, эти грубые окрики акушерки. Она называла меня «сукой». Не по имени, а просто «сукой».

– Тужься, сука. Работай. Иначе выдавим его из тебя.

– Ногами идет. Кесарить надо.

Потом погружение в сон. Ненадолго. То ли дозу не рассчитали, то ли у меня организм такой. Я пришла в себя посередине операции. Словно в тумане видела склонившихся надо мной мясников в белых халатах.

– Она глаза открыла! На нас смотрит!

– Пусть смотрит! Вытаскивай ребенка!

– Умрет от болевого шока, если полностью очнется!

– Какая разница? Пусть умирает. Тебе ж сказали – только его спасать.

Но боли я не чувствовала. Потом услышала, как сын кри-

чал, когда родился. Громко, переливисто. Так кричал, что я сама заплакала, но сказать ничего не могла.

– Правильно, реви, сука. Степан, вколи ей что-то, чтоб не смотрела на меня. А ты что стала? Уноси пацана. Быстро! Чтоб не орал здесь! А то услышит кто-то!

Когда пришла в сознание и попросила увидеть ребенка, мне сказали, что он умер еще ночью, и чтоб я о нем забыла. Но я не забывала, и мне помогли забыть. Накололи психотропными препаратами и вышвырнули за городом. Подыхать.

– Вывезешь ее отсюда и кинешь где-нибудь. Скажем потом, что удрала из больницы. Подальше от греха.

– Дык помереть может. Зима ведь.

– И это станет самым лучшим для нее концом, как и для нас. Давай меньше разговаривай. Вывози. У меня проверка нагрянет в понедельник, а тут эта со швом своим гнилым. Все. Давай. У нас тут не роддом, ты сам знаешь. Вопросов потом не оберёмся.

Их голоса мне снились по ночам. И лица. Той, что принимала роды, и той, что унесла ребенка. Я их помнила, только не знала имен.

Я ненавидела утро. Ненавидела эти солнечные лучи, которые отбирали у меня иллюзию счастья. Растворяли голос

моего сына и делали его нереальным. Потянулась в кровати. Открыла глаза. В спальне пахнет цветами. Я слышу плескание морских волн за окном, пахнет бризом и кричат чайки.

Потянулась, приподнимаясь в постели, и тут же в ужасе хотела вскочить, но тело слишком болело, ныли мышцы, тянуло нервные окончания. Я приходила в себя медленно, долго. Ощущая удобную кровать, высокий и упругий матрас. В комнате уютно, чисто и очень красиво. На персиковых стенах нарисованы белые цветы, шторы развеваются от теплого ветра.

Я помнила утро, когда меня увезли из клиники. Собаки не было уже больше недели. Ее забрала желтая машина. На живодерню. Отловили и засунули в кузов. Она скулила, пищала, а я понимала, что ничего не могу сделать и ничем не могу ей помочь. Я немощная, жалкая и бесполезная. Во мне нет смысла.

Это был день, когда я решила, что больше так не могу. Что лучше не быть... чем быть вот так. Я молилась тогда Богу и просила у него прощения за свои мысли, просила дать мне хотя бы один знак, чтобы понять, ради чего я живу и нужно ли мне жить. Маленький знак, соломинку, зацепку.

Стояла у окна и смотрела на дерево, где постоянно сидела Гроза, а потом прижалась к нему лицом и широко распахнула глаза. Собака вернулась. Она мчалась со стороны дороги, неслась что есть мочи и как всегда устроилась на своем привычном месте, а за мной пришли санитары.

Меня привели к главврачу, и он сообщил мне, что я уезжаю. Это был не просто знак, а огромный значище, словно меня схватили цепкие пальцы и удержали на самом краю. Я все еще балансировала там, все еще не приняла никакого решения и не поняла, кто я на самом деле.

Тот человек, мой спаситель, представился мне Владимиром. Сказал, что я нахожусь в его клинике, и он может изменить мою жизнь полностью. У него были светло-серые глаза, приятное лицо, русые волосы и мальчишеская улыбка.

– Кто вы такой, и зачем я здесь?

– Вы здесь, чтобы измениться, если захотите.

– Я не хочу. Я хочу уйти отсюда. Или я в тюрьме?

– Нет, вы не в тюрьме.

С недоверием посмотрела на него. Неужели? Он ведь наверняка знает о моих диагнозах и считает сумасшедшей.

– За вами наблюдал все эти дни психиатр. Он не считает, что вы больны и опасны для общества. Выписал вам легкие лекарства. Вы можете их принимать лишь по желанию.

Словно прочел мои мысли.

– Зачем вам все это. Где я? И кто вы такой?

– Называйте меня Владимир. И я – пластический хирург. Дарю людям новые лица, новую внешность, новую жизнь. Вы видели ваше лицо? Кто с вами это сделал?

– Что сделал?

– Ваши шрамы – это следы от порезов. Кто порезал вам лицо?

– Не знаю.

Я действительно не помнила, как это произошло.

Пальцы сами нащупали шрамы.

– Хотите на себя посмотреть?

– Нет! Я уже видела! Не трогайте меня. Я хочу побыть одна.

Тогда он ушел, и наш разговор ничем не закончился. Каждое утро начиналось одинаково. Мне приносили завтрак, я мылась в ванной, не глядя в зеркало, потом выходила на балкон и смотрела на море. Я могла смотреть на него часами, не шевелясь и не двигаясь.

Все изменилось в одну секунду. Это было такое же абсолютно утро. Такое же, как и всегда, и передо мной стоял ароматный травяной чай, тост с сыром и ветчиной. Подвешенный на стене телевизор тихо работал. Его включала медсестра. Я на него никогда не смотрела, а тут подняла взгляд, и уже через секунду чай полетел на пол, я вскочила с кровати и подлетела к телевизору, жадно всматриваясь в экран, пожирая его глазами.

Там показывали темноволосого красивого мужчину с женщиной блондинкой. Мужчина держал на руках маленького ребенка с огромными синими глазами. Я смотрела то на мужчину, то на ребенка, то на женщину. Смотрела так,

будто у меня остекленели глаза. И голос диктора за кадром.

– После скандала с допингом Альварес вместе с женой и сыном удалились в загородный дом. Жена всячески поддерживает Арманда, как и его многочисленные фанаты. Говорят, что с рождением сына супруги помирились, и больше нет разговоров о разводе. Они выглядят счастливыми, влюбленными, и их малыш просто прекрасен. Неизвестно только, в кого у него такие синие глаза. Альварес уверен, что ребенок похож на его мать, у которой русские корни. Еще неизвестно, чем закончится скандал с допингом в крови футболиста, но все говорят о том, что, скорее всего, он будет замят, и Альварес возвращается в сборную.

Я прижала ладонь к плазменному экрану, туда, где было лицо малыша, и беззвучно заорала. Потом стянула телевизор и раздавила его ногами. Чуть пошатываясь, вошла в ванную и стала перед зеркалом, глядя на свое исполосованное, страшное лицо, на котором видны только глаза. Такие же синие, как и у сына Альвареса. **У МОЕГО СЫНА, КОТОРОГО ОН У МЕНЯ ЗАБРАЛ! ОНИ ЗАБРАЛИ!** Он и его дрянь жена! Это она изуродовала мое лицо!

Я смотрела на свое отражение, на тонкий шрам от ошейника на шее, на глубокие рубцы на лице, на шрам от кесарева на животе. На свой убогий вид, на выпирающие кости и ключицы, трогала выдранные клоками волосы. Они уже отрасли, но одни были намного короче других.

– За что? Будьте вы оба прокляты! За что вы со мной так?

За чтооооооо?! Ненавижу, твари! Я вас ненавижууу!

Била по зеркалу и кричала своему отражению.

Колени подогнулись, и я упала на пол, глядя перед собой, как все расплывается из-за слез. Я рыдала. Стояла на четвереньках и рыдала, раскачиваясь из стороны в сторону. Моя боль выплескивалась слезами и стонами, криками и разрушительной яростью. Которая поднималась внутри.

– Я отомщу им... всем. Всем до одного. Отомщу и верну своего сына. Надо будет, я его украду, но мой мальчик вернется ко мне.

Уже вечером я сидела напротив Владимира, сложив руки на коленях.

– Измените меня. Я хочу начать новую жизнь. И... где моя собака?

Глава 4

Видеть свое лицо и в то же время не свое, касаться его руками, проводить по щекам кончиками пальцев и понимать, что там я... но этот человек мне незнаком. Красивая, недосягаемая, журнально-киношная. Я такой быть не могу. Такими только где-то в Голливуде бывают.

Обернулась на врача – Владимир стоит сзади и улыбается уголком рта.

– Нравится?

– Не знаю.

– Ничего. Надо привыкнуть. Но если измерять ваши черты линейкой, то у вас будет идеальное соотношение всех параметров. Вы – совершеннейшее произведение искусства. Лучшее из всех, что у меня когда-либо получались.

Мои волосы струятся по плечам. Длинные, шелковистые, темно-каштановые, почти черные. Трогаю их рукой, там, где были вырваны клочья, ощущаются мелкие капсулки. Нарастили... Красиво. Тряхнула головой, и пышная шевелюра упала мне на глаза. Пахнут шампунем, рассыпаются по пальцам.

– С телом тоже работали. Немного, но все же. Увеличили грудь, подправили ягодицы и бедра.

Я не хотела смотреть, пока все не будет готово и не зажи-

вет. Боялась испугаться, боялась отказаться и не решиться меняться дальше. Как будто я убивала Таню, закапывала ее по кускам в могилу. Туда, куда ее отправили Альварес с женой. Это они ее растерзали.

– Я просила убрать родинки и родимые пятна. Вы убрали?

– Конечно. Хотя не знаю, зачем вам их надо было убирать. Все они эстетически красивы и совершенно не портили вашу внешность.

– Они мне не нравились.

Я развязала тесемки халата и позволила ему упасть к моим ногам, рассматривая свое обнаженное тело. Сравнивая с тем, которое помнила. Да, это совершенное, как с обложек журнала. Не придерешься ни к чему. Каждый изгиб идеален. Провела руками по груди, по плоскому животу, по тоненькому шраму после кесарева, который тоже подшлифовали. Предлагали убрать совсем, но я отказалась. Я хотела на себе этот след. След рождения моего сына. Напоминание о том, что он у меня есть. Владимир отвел взгляд. Отвернулся. Я не воспринимала его, как мужчину. Разве не он это тело ваял и лепил? Он видел каждый его изгиб во всех ракурсах. Меня больше волновало – понравится ли это тело Альваресу? Как он будет на него смотреть? Не узнает ли меня? Отличаюсь ли я от себя прежней? Не осталось ли каких-то следов, шрамов?

– У вас сохранились фото меня прежней?

– Конечно. Во всех ракурсах.

– Уничтожьте.

Улыбнулась, пытаясь смягчить свою резкость, чтоб голос звучал мягче.

– Пожалуйста, уничтожьте. Не хочу, чтобы та... я оставалась где-то.

– Хорошо.

Проклятому испанцу должно понравиться. Иначе зачем все это? Зачем столько операций, столько боли, столько сил и времени.

– Хотите прогуляться?

Так и не поворачиваясь ко мне, как будто смущен, а я продолжаю себя рассматривать. Потом подняла халат, набросила на плечи.

– Вы привезли мою собаку?

– Да... она здесь, но в здание больницы я ее впустить не могу. Она живет возле сторожки. Ее хорошо кормят.

– Тогда идемте погуляем.

– Вы так и не сказали, понравилось ли вам ваше новое лицо и... ваше тело?

Усмехнулась уголком рта. Чужого рта. Пухлого, очень сочного, большого. Очень странно, что я говорю, а он двигается.

– Пока не знаю, нравится ли оно мне, но женщина в зеркале очень красивая. Пока что я не считаю ее собой. – потом повернулась к нему и тихо добавила. – Спасибо. Вы великий человек и художник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.